

Татьяна Щурова

«Последний луч трагической зари»

Одесская периодика первых двух десятилетий прошлого века до сих пор необычайно популярна среди исследователей не только Одессы, но и ближнего, и дальнего зарубежья. Она действительно содержит уникальную информацию о художественной и литературной жизни города, где всегда, можно сказать без ложной скромности, в большом количестве рождались талантливые творческие личности, куда хоть ненадолго приезжали писатели, журналисты, артисты и музыканты из других мест.

НАШИ АРТИСТЫ.

ПОРТРЕТЫ НА ЛЕТУ.

Утесовъ.

Одесская знаменитость.

Говорить на чистомъ Одесскомъ языкѣ.

Въ свой бенефиосъ ввѣлъ 101 тысячу чистыхъ.

Вы, Мурокіе и Кузнецовы, ну-т-ка?

Любимецъ Одесской публики и Семёна Юшкевича, который считаетъ Утесова самымъ большимъ знатокомъ русскаго языка:

— Онъ же говоритъ, какъ я пишу. Талантливъ и темпераментенъ, какъ «солнечный мальчикъ».

Рождень отъ Хенкина и Дивокаго.

Увѣряетъ всѣхъ, что Художественники, будучи въ Одессѣ—звали его въ Москву, въ Художествен. театръ.

Но онъ отказался.

Серьезно увѣренъ, что раньше всего Богъ сотворилъ еврейскій анекдотъ, а потомъ уже небо и землю.

Поетъ, какъ Пати въ молодости, играетъ почти, какъ Савина.

Играетъ всѣ роли на чистомъ одесскомъ языкѣ, даже пьесы Островскаго передѣлываетъ на языкѣ Юшкевича.

Все же человекъ талантливый и переживавшій Цемлякова.

Незнакомецъ.

Наши артисты.

Портреты на лету.

I. В. А. Селявинь.

Сдается вместе съ Городскимъ театромъ, какъ г. Урбанъ или г. Шварцманъ.

Только въ этомъ сезонѣ Городской театръ сдать былъ подъ драму, безъ Селявина, и то вышло очень неудачно:

— Пришлось среди сезона устраивать оперу и пригласить В. А. Селявина.

Такъ и пишутъ въ контрактъ:

— Городской оркестръ, декорация, бутафорія и Селявинъ.

Сладчайшій теноръ.

Въ наши дни сахарнаго голода можетъ всецѣло замѣнить сахаръ, и есть опасеніе, что Селявинъ будетъ реквизированъ для какого нибудь лаварета.

Ноги тянетъ самая высокая съ большимъ искусствомъ.

На «лятерку» тоже тянетъ, и потому всегда проагрываетъ.

Милѣйшій человѣкъ и совсѣмъ не похожъ на артиста:

— Стоитъ совершенно вдали отъ всякихъ интригъ.

III. А. Н. Вертинскій.

Аристократъ до мозга костей.

Увѣряетъ, что въ жилахъ его течетъ кровь Королевскихъ... седелокъ.

Впрочемъ, иногда хвастается:

— У меня въ крови 7 покаяннѣй гетмановъ.

Комнату ищетъ.

— «Обязательно съ камнями.» и въ вапаконъ ладана.

Подражая г-жѣ Зонненбергъ, поетъ пѣсенки, гдѣ попугай «плачетъ по французски».

Хотя на пѣсенки берутъ украинцами.

Здоровый молодой человѣкъ и могъ бы работать, но свихнулся и поетъ.

Не провозноситъ 35 букиль въ аду, фавитъ, но очень доволенъ этимъ!

— Выходитъ стально!

Принадлежитъ къ известному артистическому «слову артистовъ».

Питается только вектаромъ и амброзіей.

Если нѣтъ нектара и амброзіи, пьетъ шампанское.

«Пѣвецъ скорби и печали.» — хотя во время его пѣнія скорбятъ и печалятся зрители.

Одессу боготворитъ:

Здѣсь все таки не такъ сильно ругаютъ.

Все же человѣкъ не безъ дарованія.

Умѣетъ затронуть скорбными струнами въ сердцахъ нашихъ.

И если не глаголомъ, то хотя пѣнами «жечь сердца людей».

II. Б. С. Карфуннель.

Будущій Коршъ или еще хуже.

«Молодой, подающій надежды» антрепренеръ.

Правая рука Сибирякова, та самая рука, которой послѣдній удаленъ изъ театра Лисского.

Одинъ изъ самыхъ остроумныхъ людей одесскаго театральнаго міра.

Съ актерами шутитъ, съ прессой шутитъ и въ шуткѣ дѣлаетъ свое дѣло лучше, чѣмъ другой въ серьезъ.

Увѣряетъ всѣхъ, что его интересуетъ, только художественная сторона дѣла, а не касса.

Въ этомъ отношеніи похожъ на Сибирякова.

Большой поклонникъ таланта г-жи Полевницой.

Отъ нея гастролей и сталъ антрепренеромъ.

Незнаменецъ.

Изъ театральныхъ воспоминаній.

Объ актерахъ судятъ, естественно, по ихъ сценической дѣятельности. Кто они какъ люди и что они представляютъ изъ себя дома—это мало кого интересуетъ. Одинъ два анекдота о нихъ, какая нибудь эксцентрическая выходка, какой нибудь учиненный скандалъ—вотъ все, что известно публикѣ о многихъ актерахъ. Ни публика, ни критикъ знать не хотятъ *кто* передъ ними играетъ: имъ любопытно только, *что* онъ играетъ и *какъ*. Актеръ для нихъ не человекъ, а инструментъ.

Трудъ надъ ролью, муки пониманія пьесы, муки воплощенія въ себѣ изображаемаго героя, муки исканія способа лучшаго выраженія своей мысли—словомъ, все то, чѣмъ живетъ актеръ до выступленія на подмосткахъ, остается его личною тайною.

А настроеніе, бурное или хорошее, а состояніе здоровья, а утомленіе, а домашнія событія? Какое они имѣютъ большое вліяніе на игру актера и какъ они совершенно ускользаютъ отъ вниманія зрителя!

А страхи перваго дебюта? Да, вѣдь, это цѣлая трагедія!

Но публика, за свои деньги, тре-

буетъ, чтобы актеръ при всѣхъ обстоятельствахъ игралъ передъ нею одинаково хорошо. И никогда не проститъ она ему неудачи.

Актеры, какъ и художники, и писатели, какъ и всѣ, выносящіе свою личность на сцену театра, на сцену литературы или на сцену жизни—большіе мученики.

Я часто видѣлъ Яблочкину вторую за кулисами. Вотъ она въ костюмѣ пансіонерки, передъ выступленіемъ въ пьесу: „На хлѣбъ и на воду“ Сорванецъ, бойкая, задорная на сценѣ—здѣсь, передъ поднятіемъ занавѣса, она охаетъ, волнуется и крестится, крестится безъ конца.

А извѣстная опереточная артистка, Наталія Сѣтова, которую знающіе ее въ жизни—могли заподозрить въ чемъ угодно, кромѣ трусости, приходила въ такое волненіе за кулисами, что умоляла отпустить ее домой, плакала и передъ своимъ выходомъ на сцену, пожимала всѣмъ руки, какъ бы прощалась съ жизнью.

Боже! какъ мучился Ивановъ-Козельскій! Вотъ актеръ, который никогда не былъ доволенъ собой.

Александръ де-Рибась.

Библиографические справки по этимъ газетамъ и журналамъ поступаютъ въ библиотеку съ завиднымъ постоянствомъ. Недавно искали, например, публикации Георгія Шенгели въ одесской газетѣ «Театр» за 1919 годъ.

Знакомое изданіе. Мы уже обращались къ нему, помнится, в 2001 г. (см. альманахъ «Дерибасовская – Ришельевская», кн. 5). Тогда было отдано предпочтеніе театральнымъ фельетонамъ Незнакомца (Бориса Флита), которые и сегодня поражаютъ своей злободневностью, ибо театральные проблемы живучи и, похоже, неистребимы. Форматъ небольшой публикации не позволил

ТЕАТРЪ СОБОЛЬЩИКОВА САМАРИНА

Въ Воскресенье 17 ноября

Мой Бэби.

комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ Маргариты Майо
переводъ М. А. Потапенко.

Дѣйствующія лица:

Джимми Скоттъ	г. Глаголинъ.
Вильямъ Гаррисонъ	г. Василеико.
Генри, метръ дотель	г. Карадмитріевъ.
Полимонъ	г. Макавейскій.
Джонъ	г. Викторскій.
Кетти Гаррисонъ	г-жа Валерская.
Маджи Скоттъ	г-жа Самарина.
Миисъ Петиктонъ	г-жа Варжевская.
Модъ	г-жа Гризова.
Зоя	г-жа Зеркалова.

Постановка Б. С. Глаголина.

Начало въ 7³⁰ час. веч.

Въ Понедѣльникъ 18 ноября.

„1919-ый годъ“.

„Три времени современной жизни.“

Пьеса въ 3-хъ дѣйств. В. Валина.

Дѣйствующія лица:

Миллеръ, Генрихъ Петро- вичъ	г. Собољщикова- Самаринъ.
Эмилия Ивановна его жена	г-жа Лярова
Миша	г-жа Бакъ
Кати } ихъ дѣти	г-нъ Дубенскій
Дуня, племян. Миллера	г-нъ Глаголинъ
Тая	г-жа Арендтъ.
Карская	г-жа Лучинская
Фрадкинъ	г-нъ Значковскій
Яковлевъ	„ Мальскій
Ароновъ	„ Высоцкій
Еремьевъ	„ Карадмитріевъ
Сильдователь	„ Бѣловъ
Маша	г-жа Зеркалова
Клавдія } горничная	„ Гризова
Варя	„ Варжевская

Дѣйствіе происходитъ въ большомъ при-
морскомъ городѣ. Наше время.

Постановка Н. И. Собољщикова-Самарина.

Начало въ 8 час. веч.

ТЕАТРЪ МИНИАТЮРЪ ФАРСЪ МИХ. ДАЛЬСКАГО.

Лашжероновск. 24, тел. 43-14, дир. О. Х. Ф.

Воскресенье 17, Понедѣльникъ 18
ноября.

въ уч. Мих. Дальскаго и А. Н. Вернера.

„Пушокъ“.

Комедія—буффъ въ 3 дѣйств. Сабурова,
Дѣйствующія лица:

Джонъ Эррѣ	Мих. Дальскій.
Помела, его жена	г-жа Даминская.
Бертранъ Тулли	А. Н. Вернеръ.
Мэми Скоттъ (Пушокъ)	г-жа Викитина.
Ниссанъ, вилеяторъ	г-нъ Перцоль.
Докторъ Багаль-Эндъ	г-нъ Куртокъ.
Анна, тетка	г-жа Баранова.
Уреда, прислуга	г-жа Грабанская.
Чальмерсъ, горничная	г-жа Бесевлева.

Постановка А. Н. Вернера.

Домъ Артистовъ.

Воскресенье 17 ноября.

Инсценированный романсъ, уч. г-жа Львова
г. Варфоломеевъ.

- II. „Мужъ, жена и любовникъ“ пьеса настро-
енія уч. г-жи Даминская, Николаева, г. г.
Значковскій и Лебединскій.
- III. „Пѣсни улицы“ уч. г-жа Доминская и г.
Утесовъ.
- IV. „Адекая месть“ или „8 труловъ“ скетчъ
траг. уч. г-жа Арендтъ, Никитина, Карина,
г. г. Лебединскій, Ильинъ, Значковскій, Ри-
генъ, Кара-Дмитріевъ, Златогоровъ и Вар-
фоломеевъ.
- V. Пѣсни А. Н. Вертинскаго.
- VI. „Акціонерная компанія“ уч. г-жа Маръ
г. г. Варфоломеевъ, Кара-Дмитріевъ, Ле-
бединскій, Ригенъ.
- VII. „Тоска по Городовому“ проч. г. Знач-
ковскій.
- VIII. „Злободневный триптихъ“ прочтеть г.
Утесовъ.
- IX. Клео и Вилли, эксц. танцы.
- X. Салъ хоръ бр. Зайцевыхъ уч. г. г. Лебе-
динскій, Ригенъ, Златогоровъ, Ильинъ,
Варфоломеевъ, Кара-Дмитріевъ, дирижеръ
Утесовъ.

Конферансье Н. Ф. Лебединскій.

Начало въ 11 час. вечера.

* * *

Огнемъ охвачены лиловые хребты,
Нить сизыхъ облаковъ и пламень
Антареса.
Стихи написаны. И вотъ приходишь
ты,—
Шумъ моря въ голось и въ платье
залахъ лѣса.
Щелюю ясный лобъ. О чемъ намъ
говорить?
Стихи написаны,—они тебѣ не любви.
А чѣмъ, а чѣмъ инымъ могу я
покорить
Твои холодныя сейчасъ и злыя губы?
Къ намъ понадавинулась иная череда
Влеченья чуждая тебя томить безъ
мѣры.

Ты не со мною вся. И ты уйдешь
туда.
Гдѣ лермонтовскіе скучаютъ офицеры.
Они видали смерть на Санѣ и Двинѣ,
Пожары вихри ли вдоль береговъ
Кубани.
Они такъ нехотя расскажутъ о войнѣ,
О русскомъ знамени и о почетной
ранѣ.
Ты любишь имъ внимать. И пок о
ряюсь я.
Бороться съ мужествомъ я не имѣю
силы:
Что сдѣлаетъ перо противу лезвія,
Противупламени спокойныя чернилы?

Георгій Шенгели.

в то время коснуться других материалов из этой газеты. Восполним это сейчас.

Была задумана «ежедневная литературно-театральная газета», выходила она в ноябре-декабре 1919 года, когда в Одессу возвратилась ненадолго (август 1919 г. – февраль 1920 г.) Добровольческая армия. Внешне каждый номер имел вид небольшой брошюры. Профессиональные силы для подобного издания были, но трудное военное время позволило газете «Театр» выходить лишь полтора месяца, и то не каждый день.

Тем не менее здесь успели напечатать очерк Бориса Варнеке «Возвращение актера», несколько материалов А.М. Дерибаса серии «Из театральных воспоминаний». Помимо фельетонов Незнакомца интересно читать обзоры Лоренцо (Бориса Гениса), статьи Н. Пересветова, постоянную рубрику «Театральные вести», доносившую новости из Крыма, Киева, Москвы, Харькова и т. д. Вероятно, читатели ждали в новых номерах продолжения «Записок» о современном театре Петра Пильского, известного в Одессе публициста, издававшего здесь в 1913 году очень любопытную газету «Одесский понедельник», а теперь скрывавшегося от новых властей после редактирования периодических изданий с ярко выраженной антибольшевистской ориентацией в Северной столице.

ДОГАРЕССА!

Дворецъ весь мраморный. Вдоль портиковъ ажурныхъ
Князья бесѣдуютъ, какъ ихъ писалъ Тицианъ:
Оплечья въ золотѣ, тягча гербами станъ,
Отображаютъ блескъ далматниковъ пурпурныхъ.

Бесѣдая, глядятъ въ просторъ лагунъ безбурныхъ:
Патриціанскій взоръ стариннымъ буйствомъ пьянъ;
И павильонъ небесъ прохладой осіянь
Волнь Адриатики, прозрачныхъ и лазурныхъ.

Пока Сенъеровъ рай, по бѣлымъ ступенямъ
Колыша пурпуромъ, кружить и вьется тамъ,
Идетъ Владычица, надменна и лѣнива,

И, чуть оборотясь, горящій взоръ смежа,
Даритъ улыбкою кофейнаго пажа,
Несущаго ей шлейфъ,—сверкающее диво.

Георгій Шенгели.

Вечеръ у Эльзы Крюгеръ.

Въ школѣ извѣстной артистки сценическаго искусства Эльзы Крюгеръ были въ гостяхъ артисты Московскаго Художественнаго театра во главѣ съ О. Л. Книпперъ и В. А. Качаловымъ. Сямпро improvisedвался очень интересный „музыкально-вокальный вечеръ“, въ которомъ принялъ участіе и Петроградскій квартетъ Зиссермана, Меренблюма, Столярова и Бѣльскаго, планистъ Петръ Любошицъ и др.

Врядъ ли кому нибудь приходилось слышать О. Л. Книпперъ въ роли исполнительницы французскихъ романсовъ и исполнительницы тонкой, остро-

умной, полной чувства и того чисто французскаго очарованія, котораго такъ недостаетъ русской пѣснѣ.

Или Качалова, залихватски отплясывающаго мазурку въ парѣ съ очаровательной хозяйкой вечера Эльзой Крюгеръ.

Вечеръ этотъ оставилъ неизгладимое впечатлѣніе у всѣхъ присутствовавшихъ и чувство благодарности къ устроителю его — Э. Крюгеръ, съ такимъ вкусомъ объединившей все, что было „лучшаго“ въ Одессѣ.

Н.

О чашкѣ чая.

Нѣтъ ни сахара, ни свѣта,
Нѣтъ ни пива, ни вина,
Вотъ теперь я понимаю,
Что я прапора лави.
(Жестокій роман)

Дни безпечнаго мущота—
Ваши сгнинули слѣды:
Нѣтъ ни сахара, ни свѣта,
Нѣтъ ни угля, ни воды.
Только чаемъ, не скучая,
Мы и живы. Повеле—

Ибо всякихъ «чашекъ чаю»—
Безконечное число,
И, покорны имъ, всегда мы
Ищемъ сладостный уютъ:
Подрысованныя дамы
У кадетовъ подадутъ

Чаю—свыше всякой мѣры.
— Разрѣшите чашку?
— Пасси!
Спохватились инженеры:
— Чашка чаю—и у насъ!
Подражая имъ сугубо
Въ ослѣпительный уютъ
Артистическаго клуба
«Просвѣщавцы» на чѣ влекутъ.

«Домъ Артивета» тоже нынѣ
Видитъ въ «чашкѣ» рой чудесъ,
А въ посудномъ магазинѣ
Цѣны лѣзутъ до небесъ.
Дай же, дай намъ, правый Боже,
Милосердыя Твои!
— Нашъ «Театръ» сегодня тоже...
— Что?!

— Простите: ничего...

Ал. Соколовскій.

В традициях одесской прессы было приглашать к сотрудничеству отличных художников. В газете «Театр» обложки выполнены Лазарем Митницким, дебютировавшим еще в 1911 году в журнале «Крокодил», Борисом Гроссером, опытным прекрасно образованным графиком и театральным художником, который в 1918 году ненадолго вернулся в Одессу, чтобы затем в 1920 г. навсегда эмигрировать в Париж. Несколько выразительных обложек принадлежат графику, плакатисту Семену Зальцеру, который был известен по сотрудничеству со многими периодическими изданиями Одессы, хотя осенью 1919 года ему был всего 21 год. Многие обложки содержали не только рисунки, но и обращения к гражданам в духе времени: «Тыл, не забывай о фронте», а также призывы собирать теплые вещи для воинов.

При этом испытание страданиями и лишениями не приводило к безысходности. Большинство материалов свидетельствовало о желании людей жить, преодолевая и надеясь. Хотя статья



ИСКУССТВО.

АНАТОЛИЙ ФЮЛЕТОВЪ.

У каждой литературной школы
есть безвременно погибший юноша.

У пушкинцевъ — Введенцовъ.

У символистовъ — Коверский.

У сѣверянцевъ — Игнатьевъ.

У футуристовъ — Божидаръ.

У акмеистовъ — Давыдо-Лозинский.

Южно-русская школа поэтовъ,
столь отчетливо записавъ въ послѣд-
ніе годы въ Одессѣ, также имѣетъ
«жертву утреннюю», — Анатолия Фю-
летова.

Когда содружество молодыхъ поэ-
товъ распадается...

Когда каждый идетъ своимъ пу-
темъ, отряжая улазы и самъ поды-
манъ руку на бывшихъ друзей... —

то «память объ ушедшемъ другѣ»
единственно отрава и единственно
миротворца.

Она — какъ воспоминаніе о дѣтствѣ,
о елкахъ и картонныхъ звѣздахъ, о
сказкахъ и вечернемъ уютѣ.

И какъ значительно, что сами
стихи Фюлетова, годовщицу смерти
какого-то друга тепло вспоминали
на днѣхъ, — насыщены дыханіемъ
дѣтскихъ заботъ, капризовъ и радо-
стей.

Что стихи эти сами, какъ воспо-
минаніе о елкахъ и картонныхъ
звѣздахъ.

Георгій Шенгели.

«Украденный рай» о детях кровавого времени, которым выпало расти среди плача и страха, волнует сегодня с не меньшей силой...

Несмотря на холод в театральных залах и риск лишиться пальто, не дойдя после спектакля до дома, люди стремились попасть на изысканный вечер Эльзы Крюгер в зале Литературно-артистического общества, где она выступала в причудливых ярких костюмах работы Александры Экстер. Не пугала дороговизна билетов на концерты Александра Вертинского, зрители жаждали положительных эмоций на бенефисной программе Леонида Утесова «Кукиш в кармане», которая давалась в Доме кружка артистов. Театралы размышляли, почему они остались равнодушными к спектаклям МХТ, хотя на сцене были Василий Качалов и Ольга Книппер-Чехова.

Редакция газеты «Театр» и группа творческих людей затеяли в Доме артистов вернисаж, как они писали, нового содружества всех деятелей искусства. Цель — собрать «раздробленную и разрозненную артистическую семью». Вечер назвали «Веселые сумерки». Выступали лучшие артистические силы и молодые



ЗАПИСКИ.

I.

— Въ Одессѣ публика лишена артистической самостоятельности.

Это открылъ москвичи.

Съ этимъ убѣжденіемъ Художественный театръ такъ и уѣхалъ.

Какая неправда!

Одесситѣ, едва оторвавшись отъ груди кормилицы, уже театральныя критикъ въ душѣ, вѣсть съ первымъ прорывающимся зубомъ онъ становится завидующимъ театральнымъ отдѣломъ въ газетѣ, и еще не выростивъ зуба мудрости, приступаетъ къ изданію театральнаго еженедѣльника. Что онъ пишетъ тамъ—не разскаать. Воистину, какъ говорить у Островскаго, — «упокойники въ гробахъ спасибо сказать, что умерли».

II.

Недаромъ В. М. Дорошевичъ въ своихъ лекціяхъ у меня въ Петербургской «Школѣ журнализма» училъ:

— Когда придетъ въ редакцію, не предлагайте себя въ рецензенты. Въ рецензенты все себя предлагаютъ.

В. М. Дорошевичъ недаромъ жилъ въ Одессѣ... Знаетъ человѣкъ Одессу!

III.

Иногда я задаю себя вопросъ:

— Что произошло бы, если бы вместо всѣхъ оставшихся некассантановъ появились бы кабары?

И отвѣчаю:

— Ничего не произошло!

IV.

Павъ Аборимовъ покойнаго Леонида Андреева:

— Сколько серьезныхъ людей со связью перестало ходить въ театръ!

— Гибнетъ не только театръ,—гибнетъ и публика!

— Держались за бытъ и этнографію, но негръ надѣлъ цилиндръ и манишку, Брусовъ похвѣлъ въ Кембриджскій университетъ,—конецъ быту и этнографіи!

— Въ пору молодости, когда Напше еще двигался и что-то дѣлалъ въ формѣ прусскаго солдата, онъ былъ наименѣе драматиченъ!

— Драма начинается съ того момента, когда въ жизни воцаряются бездѣйствіе и тишина кабинета!

— Сцена безсилна и пьма!

V.

Однимъ изъ Аборимовъ Федора Сохогува приблизительно гласилъ слѣдующее:

— И ты, шансовѣта, илиши, потому что и ты необходима театру!

Можно думать, что почтенный писатель сіе проречіе швырнулъ на утѣшскіе г. Аксарину, ибо въ исторіи театра это, кажется, первый случай совѣстительства драматической антрепрены съ кассантанной.

Должно быть тоже — демократизація!

— Пляши театръ на собственной могилѣ!

Петръ Пильскій.

* * *

Безпутные будутъ вѣкъ ими...
Вы-жь любите, какъ и всѣ —
Актрисъ съ голубыми вѣками
И дѣвушекъ изъ кафѣ...

И наглою и манерною
И я бы сумѣла быть —
Вѣдь этимъ скорѣе, навѣрное,
Могла бы я васъ плѣнить!..

Но скорбью полна томительной, —
Душа моя все жъ горда...
Я васъ заставлю любить меня
Такой, какъ была всегда.

Елена Кранцфельдъ.

поэты, вынужденные произносить слова: «Есть некий срок, где нет войны / О, муза! Дни твои мрачны...». Поэтический вечер 2 декабря в зале Литературно-художественного общества посвятили памяти Анатолия Фиолетова – прошел год со дня его гибели. Время не успокоило сердца собратьев-поэтов, сердца продолжали болеть. Георгий Шенгели выступил по этому поводу со щемящей статьёй в газете «Театр». На вечере же читались неизданные стихи А. Фиолетова, а также одесские поэты принесли, как бы в дар, свои произведения. Среди них были: А. Биск, Э. Багрицкий, С. Кесельман, Е. Кранцфельд, Ю. Олеша, А. Соколовский, Г. Шенгели. Кстати, молодые поэты Елена Кранцфельд и Александр Соколовский печатались на страницах газеты «Театр» вместе с «уже созревшим и даровитым поэтом» Г. Шенгели.

Исследователям, вероятно, важно прочесть, что в это время в Одессе состоялись выставки Товарищества южнорусских художников и Общества независимых художников, что открылась новая мастерская-студия Александры Экстер. Не побоялся приехать к нам из Парижа директор всех отделений французской



Театр единственный.

Все прекрасно, выходи из рукъ Творца, все покажется въ рукахъ человека. Художникъ создалъ прекрасное и далъ человеку.

Человѣкъ же искалъ анекдота, исторіи, гримасы. И находилъ вездѣ, начиная отъ словарей и кончая Библией. Находилъ и въ искусствѣ.

Изъ статуи Эрмитажа наибольшимъ вниманіемъ «публики» пользовалась группа трехъ грацій, выразительная не столько эстетически, сколько анатомически.

Но ни одинъ видъ искусства не претерпѣлъ столько отъ любознательнаго человека, сколько театр. Правда, романы, не очень плодотворные для будничной пошлости, — не читались; музыка, отъ коей не пляшетъ селезенка, не удалялась изъ осторожныхъ ушей; но художники-то творили.

Театръ же, влачійся на погѣ кагорнаго ядра, — кассу, долженъ былъ отражать, не смѣлъ не отражать человеку, платящему деньги, и очень умному понятію: Денга обратво!

А человекъ, платящій деньги, самымъ лѣнивымъ, чтобы мыслить, и самымъ толстокожимъ, чтобы чувствовать, требовалъ во первыхъ «занимательности» и «интересности» — во вторыхъ. Слѣшкомъ косныя, чтобы вообразить, требовалъ, чтобы все ему показываемое было «настоящимъ»:

своимъ и погодя, дѣнь и вѣтеръ, гроша и сдичи.

Все сіе исполнялось. Антрепренеръ выжидалъ «слова сезоновъ», режиссеръ добывалъ настоящихъ сверчковъ и училъ актеровъ выразительнымъ тѣлодвиженіемъ, а актеръ лучше всего, заботился объ эффектной выходѣ и жаждалъ аплодисментовъ; жаждалъ съ чувствомъ слуги, болагоси не угодить хозяину.

Идея театра, творящаго неизбежна дѣяности, театра, куда многотысячныя толпы приходять приобрести міровой жизни, сгущенной поэтомъ въ нѣсколько характеровъ и стѣкловеній, ожелезненной актеромъ, разбрызнутой хоромъ, театра, куда приходять люди «выслушать» анекдотную муть повседневности и засѣять поднятую новъ прекраснымъ, — была воплощена только однажды: въ древнихъ Афинахъ.

Наши дни не въѣзъ Перикла. Петербургъ, Москва, Одесса — не Афины. Идея вѣчнаго театра — не исполнится вѣдь. Здѣсь «Осенній скрипка» вмѣстѣ Эврипида и «Кооперативъ идиотовъ» вмѣстѣ Аристофава.

Погоды же, артези одесскій, въ восторги твои подбавить немного горечи. Въ слѣдующей статьѣ.

Георгій Шенгали.

кинематографической фирмы «Братья Патэ», надеясь укрепить связи с одесскими частными кинопредприятиями.

Сегодня мы смогли бы рассказать о судьбах многих авторов газеты «Театр» и героев их материалов. Краеведы, историки, литературоведы Одессы, Москвы, Парижа и других мест нашли в старых газетах и журналах массу необходимой информации, и из-под их пера вышли авторитетные глубокие публикации. Но каждый раз, листая эти пожелтевшие листки, находишь все новые нюансы и факты. Можно с уверенностью сказать, что бесценная одесская периодика еще не раз будет полезна всем поколениям пытливых исследователей. Она уверенно перешла в разряд библиографических сокровищ Одессы.

